

Алексей Тарновицкий

Алексей Тарновицкий

КИЛЛЕР С ПРОПЕЛЛЕРОМ НА МОТОРОЛЛЕРЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т21

Фото автора из личного архива

Дизайн серии – Анастасия Чаругина

Тарновицкий, Алексей Владимирович.

Т21 Киллер с пропеллером на мотороллере / Алексей Тарновицкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Вильмонт рекомендует).

ISBN 978-5-17-096263-1

Ленинград, середина 80-х. Саша Романова, так тщательно скрывавшая свой талант, изо всех сил пытается убедить себя, что жизнь не должна походить на остросюжетный триллер. Увы, судьба навязывает ей иное развитие событий — тем более что о необъяснимой способности Саши фатально влиять на чужие жизни становится известно тем, с кем ей вовсе не хотелось бы иметь дела...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096263-1

© А. Тарновицкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

В пятницу я не пошла в лабораторию. Потому что наплевать. Состояние равнодушия означает, что твоей душе все равно. Только вот это «все равно» бывает разным. Бывает веселым и бесстрашным, когда делаешь сумасшедшие вещи и всё тебе по фигу. Бежишь по лезвию ножа, слева и справа пропасть, впереди туман, а назад и вовсе хода нет — но ты все равно бежишь, и босым ступням не больно, и душа ровнехонька и спокойна, как поверхность пруда в летний безветренный полдень. А бывает — никуда не бежишь. Бывает, висишь в ватной пустоте, где нет ничего, даже эха, так что и собственного крика не слышать. Это уже совсем другое «все равно». Это уже не равнодушие, а пустодушие какое-то, иначе и не скажешь. И наплевательство в такие моменты тоже совсем другое — пустое, без восторга, без удовольствия и даже без отчаяния.

Утром, когда мама зашла в мою комнату и присела на краешек кровати, я не стала притворяться спящей. Потому что наплевать.

— Ну, что ты, Сашенька, — сказала мама. — Ну, нельзя же так переживать.

— Я не переживаю, — ответила я, ничуть не покривив при этом душой. Своей ровной пустой душой.

Мама погладила меня по голове.

— Если хочешь знать, я всегда думала, что Костя тебе не подходит. Понятия не имею, что ты в нем нашла. Малахольный какой-то. А его мамаша... — это ведь просто кошмар.

— Ага, — подтвердила я.

Что есть, то есть. Лоськина мамаша и в самом деле была редкостным экземпляром. Да и сынок ее тоже. Действительно, что я в нем нашла? Сейчас это и вовсе казалось непонятным. Непонятным и стыдным. Это ж надо: споткнуться о такое ничтожество! И не просто споткнуться, но еще и выстроить на этом прыще целый дворец. И не просто выстроить, но еще и поселиться в нем, а потом с маниакальным упорством уговаривать себя, что живешь на прочном фундаменте, строить планы на будущее, изображать счастливую невесту..

Любила ли я его когда-нибудь? Сейчас уже казалось, что нет, никогда. Просто составила себе жизненный план, этакую стройку пятилетки, этакий личный БАМ, Байкало-Амурскую... — или Байдово-Амурную?.. — магистраль к счастью, и — бам-бам по темечку... — ударно его реализовывала, время от времени вручая самой себе почетные грамоты за опережение графика. Дура, натуральная дура-дураиня. Дураиня Социалистического Труда.

Мама снова погладила меня по голове.

— Ну вот, — сказала она, — значит, и печалиться не о чем.

Киллер с пропеллером на мотороллере

Ах, мама, мама, ну какая печаль? Нет ни печали, ни галош всмятку. Есть дураиня соцтруда, внезапно оставшаяся без плана. А поскольку раньше этот план заполнял всю ее дурацкую жизнь, то вот вам и результат — пустота. Все правильно, все логично. Но было бы еще хуже, если бы этот козел, мой несостоявшийся жених, вдруг возник сейчас в углу комнаты — коленопреклоненный, с обручальным кольцом на копыте и брачным свидетельством в зубах. Так что не в нем дело, не в Лоське...

— Почему ты не встаешь? Сегодня тебе можно прийти попозже? — осторожно осведомилась мама.

— Сегодня свободный день, — соврала я. — Не беспокойся, мамуля, все в порядке. Ты сама-то не опоздай.

— Может, мне остаться? Сварю тебе куриный бульончик... хочешь?.. остаться?..

Я отрицательно помотала головой, хотя мамин куриный бульончик был несомненной ценностью даже в самые пустодушные моменты. Вот только на одном этом горячем далеко не уедешь. Нужен бензин иного рода. Нужен новый план, новая цель, новая жизнь. Конец эпохи.

Мама ушла на работу, и охамевшая собака Бима, безошибочно определив минуту хозяйкиной слабости, немедленно забралась ко мне на кровать и улеглась рядом — поначалу на краешке, якобы робко, остерегаясь пускать слюни на подушку, но уже явно планируя дальнейший захват жизненного пространства. Я слегка побарабанила пальцами по теплому собачьему лбу.

— Конец эпохи, Бимуля. Нужен новый план. Что скажешь?

Бима глубоко вздохнула.

— Слушай, кончай валять дурака, — говорил этот вздох. — Я ли тебя не предупреждала: кобель — дело недолговечное. Рассчитывать на верность кобеля — все равно что делать отметку на морском песке. Волна набежала, и даже запаха не осталось. А что касается новой эпохи, так это и вовсе чепуха. Выйдем на улицу, обнюхаем столбик-другой... ты даже не представляешь, сколько там заявок и объявлений! Кстати, когда ты собираешься вывести меня на прогулку?

— Ты вот что, собаченция, — строго сказала я. — Ты на меня не дави своим откормленным короткошерстным боком. И вообще не дави никоим боком. Дай мне очухаться, слышишь? Поимей уважение. Конец-то эпохи не только у меня лично. Конец эпохи во всей стране или даже во всем мире. И кто его устроил, этот конец? Я и устроила, вот этими вот ручками. Я ведь убийца, Бимуля... Убийца... убийца...

Я несколько раз повторила это слово, внимательно вслушиваясь в звук. Выходило плохо, некрасиво. «У» как-то теряется, так что непонятно, зачем оно там вообще. «Бий» похоже на «Вий», а при чем тут Вий? Как у Гоголя: «Поднимите мне ве-е-екиии...» Чушь, короче говоря. Ну, а последний слог вовсе ни к селу ни к городу. «Ца!» Похоже на «цацу» какую-нибудь, а то и на ламцадрица-цацу. Несерьезно. Да и ассоциации — опять это ца-ца-ца! — не бог весть какие. Убийца — это мрачный дядька с бородой и окровавленным топором. Или с топором и окровавленной бородой — так еще круче. Ну какая из меня убийца — ни бороды, ни топора... Нет, так не пойдет.

— Знаешь, Бимуля, никакая я не убийца. Слышишь?

Киллер с пропеллером на мотороллере

Собака согласно заурчала и заерзала, подталкивая меня к стене, чтобы поудобней развалиться на моей же кровати.

— Я киллер! Это намного точнее. Ну-ка, попробуем на слух... Киллер... киллер... киллер...

Да, это звучало куда приятней. Что-то такое стильное. Киллер с пропеллером на мотороллере... Прямо как в заграничном детективе. Может, мне заделаться киллером-профессионалом?

— Как ты думаешь, Бимуля? Будем получать заказы. Ты выслеживаешь, я исполняю. Что, не веришь? Ну и зря. Ты просто не видела, как я замочила тех троих алкашей в доме 7а по улице Партизана Кузькина. Или 7б?.. Короче, партизан Кузькин мною бы точно гордился. А оперуполномоченный Знаменский? Даже пикнуть не успел. Только глазками поморгал. А Миронов из стройотряда? Этого вообще — на расстоянии! А эпоха? Замочить целую эпоху — каково? Это тебе не столбики обнюхивать!.. Слушай, кончай толкаться, сучка ты этакая! Вообще уже к стенке прижала! Бима! А ну, брысь с кровати!

Я столкнула зарвавшееся животное на пол, и в отместку собаченция тут же принялась ходить кругами, с хрустом потягиваться, пронзительно повизгивать, оглушительно зевать и всячески давить мне на психику, требуя прогулки. Пришлось встать, одеться и так, немытой-нечесаной, вести Биму на улицу, где эта зараза, конечно же, крепилась и терпела со своей нуждой до последнего, чтобы максимально оттянуть наше возвращение домой, к умывальнику, зубной щетке и чашке кофе.

Потом я снова завалилась спать и проснулась от восхитительного запаха — вернувшаяся с работы

мама варила обещанный бульон. Мы поели и уселись на диван смотреть старые фильмы про Максима, которые шли подряд по случаю кончины эпохи. Так, незаметно, от Чиркова к Кадочникову и Крючкову пролетели выходные.

Брежнева хоронили в понедельник, и все сидели у телевизоров, так что в лабораторию я ехала в совершенно пустом трамвае. Киллеры не знают угрызений совести, но, глядя на траурные портреты с бровастым лицом, я не могла отделаться от чувства вины. Ведь я не собиралась убивать этого старика: лично он не сделал лично мне ничего плохого. Когда я выкрикнула это свое смертоносное «Сдохни!», оно было адресовано не ему, а гадостной эпохе, которая перебила всех настоящих мужчин, а уцелевших превратила в ничтожества. Возможно, что и сам он был всего лишь жертвой, как мой ничемный Лоська. Возможно, он был добрым человеком и желал другим только счастья. Я хотела убить эпоху, а убила его. Наверно, она только на нем и держалась, эта жуткая тварь — на этом трясутемся, шамкающем, недалекоем старикане. Тоже мне, опора... А с другой стороны, на чем же еще ей было держаться — ведь лучших она давно уже истребила.

В лаборатории работал телевизор и было непривычно много народу. Редкий случай: пришли почти все, хотя не выдавалось ни аванса, ни получки.

— Сашенька, ну где же вы ходите? — приветствовал меня Троепольский. — Давайте к нам! Тут такое представление! Коллективный просмотр по всем рабочим подразделениям. Руководство специально телевизоры выделило, представляете?

Киллер с пропеллером на мотороллере

— А чего не выделить? — мрачно проговорил Димушка. — Генсеков-то нечасто хоронят. С предыдущего, считай, почти тридцать лет прошло.

— Тогда телевизоров еще не было, — заметила Зиночка, самая старшая в лаборатории.

— Были, но не у всех, — возразил Троепольский. — У деда, к примеру..

— Троепольский, хватит, — необычно грубо перебил его завлаб Грачев. — Надоело слушать про твоего деда-посла. Тут конец эпохи, а вы..

Грачев был заметно пьян и бледен, жидкие волосы встрепаны, галстук сдвинут набок. Троепольский сочувственно причмокнул губами и не стал возражать. На экране под траурную музыку плыл хорошо знакомый профиль невинно убиенного мною генсека. Отчетливо чернели знаменитые брови. Отделанный кокетливыми рюшечками гроб тащили шестеро совершенно одинаковых полковников в красных повязках. Полковники прижимались к гробу щекой, уставив под одинаковым углом околыши низко надвинутых фуражек. Втиснувшись между ними и наверняка сильно при этом мешая, семенили старшие члены Политбюро. Первым шел Андропов.

— А вы мне не верили! — торжествующе проговорил Димушка. — Я сразу на него подумал.

— Да какая разница? — отмахнулся Троепольский и, понизив голос, добавил: — Ка-Гэ-Было, так и будет. Во несут-то, вы только гляньте... И как они друг другу на ноги не наступают? Бурлаки на Волге...

— Тише... — прошипел завлаб.

— Ну что ты на меня тянешь, Грачев? — возмутился Троепольский. — Что такое случилось? Ну умер он, так что? Как говаривала моя бабушка, умершмумер, главное, шоб был здоров!

Алексей Тарновицкий

— Тише... — шикнул кто-то.

Димушка привстал и окинул взглядом собравшихся.

— Успокойтесь, — сказал он, снова садясь, — Вера Пална далеко. Рыдает в своей каморке.

Грачев икнул.

— Все равно, тише! — упрямо выговорил он и икнул снова.

Троепольский подошел и ласково приобнял его за плечи.

— Пойдем, Слава, пойдем...

Это был первый на моей памяти случай, когда кто-то называл Грачева по имени. Конец эпохи, не иначе. Я наклонилась к Зиначкиному уху и шепотом поинтересовалась, при чем тут Вера Пална и почему она рыдает в каморке.

— Вера Пална работает на товарища Андропова, — так же шепотом отвечала мне Зиначка. — Стучит, проще говоря. Призналась Троепольскому в момент интимной близости. А рыдает по впечатлительности натуры. Молодая еще.

— Тяжело он принял, — сообщил вернувшийся Троепольский.

Димушка кивнул:

— Тяжело и много. Сначала портвейн, а потом шило.

— Циник вы, Димушка, — вздохнула Зиначка. — Грачев и в самом деле переживает. Неизвестно ведь, как теперь всё повернется. Лаборатория и так на волоске висит. Раньше хоть стабильность была: пусть и на волоске, а висит. А теперь поди знай...

Троепольский снова махнул рукой:

— Ерунда. Ка-Гэ-Было...

Киллер с пропеллером на мотороллере

— Говорят, он обоссался во время речи, — тихо сказал Димушка.

— Грачев? — не поверил Троепольский. — Да он в жизни речей не произносил...

— Да не Грачев...

— А, этот... Ну что, вполне возможно. Несчастный мужик, — Троепольский слегка пригнул голову и прошептал: — Мне верные люди рассказывали: ему сыворотку кололи. Выжимку из обезьяньих яиц.

— Троепольский, не говорите глупостей! — фыркнула Зиночка. — Обезьяны не несут яиц. Это млекопитающие. А то, что носят между ног самцы обезьян, называется яичками.

— Это смотря какого размера, — возразил Троепольский. — Яички — это у мартышек... или у нас с Димушкой. А генсеку, небось, выжимали из горилльих. А у гориллы там — ого-го!..

Я вышла в коридор. Дверь в каморку секретарши была приоткрыта. Вера Пална сидела с заплаканным лицом. Глаза, обычно густо накрашенные, были на сей раз промыты слезами, как майские окна, что сразу лишало Веру Палну ее привычного сходства с участницей выпускного бала ПТУ штукатурищи третьего разряда. Впрочем, едва прикрывающая лобок мини-юбка и охотничьи — на мужика — сапоги по-прежнему оставались неотъемлемой частью ее облика, пусть и глубоко скорбящего. Увидев меня, Вера Пална всхлипнула, и по щекам ее вновь покатились крупные слезы. Я попыталась припомнить, что говорят в таких безутешных случаях, но на ум шли только самые банальные фразы типа «все там будем» и «бог дал, бог взял».

— Посидеть с тобой, Вера Пална?

Она благодарно кивнула и попыталась что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова. Я примостилась рядом на пачках бланков — не то зарплатных ведомостей, не то профсоюзных взносов, — взяла Веру Палну за руку и стала ждать, когда она успокоится.

— Спасибо, Сашенька, — выговорила она наконец и добавила, скривив лицо в страдальческой гримасе: — Бог дал, бог взял...

— Все там будем, — подтвердила я.

Мне вдруг тоже захотелось поплакать. Слезы — очень заразительная штука. Стоит вот так залезть в каморку, и всё — не остановиться.

— Пойдем к людям, Вера Пална, — скорбно предложила я. — Помянем покойника. По русскому обычаю.

Секретарша закивала и достала зеркальце.

— Боже, какое страшилище... Спасибо, Сашенька... Ты иди, я сейчас подкрашусь и тоже приду.

Личный состав лаборатории по-прежнему смотрел церемонию похорон. Закрытый гроб уже стоял возле ямы; два могильщика в меховых шапках подтягивали длинные белые полотенца.

— Вовремя вернулась, — сказал Троепольский. — Сейчас опускать будут.

— Вдвоем? — поднял брови Димушка. — Не удержат.

— А чего не удержат-то? Гроб ведь обычный, не железный, — возразила Зиночка. — Железный только у Кашея.

Троепольский усмехнулся:

— Вот и узнаем. Удержат — обычный. Не удержат — желез...

В этот момент гроб вдруг резко накренился: раскорячившийся над ямой могильщик дрогнул плечами, и полотенце заскользило в его руках. Послышал-

Киллер с пропеллером на мотороллере

ся явственный глухой стук — то ли упавшего гроба, то ли кремлевских курантов, то ли первого залпа траурного салюта.

— Не удержали! — удивленно вымолвила Зиночка. — Неужто и впрямь железный?

Димушка торжествующе воздел вверх руки, как будто праздновал забитый «Зенитом» гол:

— Уронили! Уронили! А вы мне не верили! Я ж говорил — не удержат!

Странный полузадушенный писк заставил нас обернуться. За нашими спинами, прижав кулачки к перехваченному спазмом горлу, стояла несчастная Вера Пална — стояла и пицала, как, возможно, пицал бы хомяк, жестоко насилуемый медведем.

— Что с тобой, Вера Пална?! — вскочил Троепольский.

Секретарша сглотнула и указала на экран телевизора, где руководители партии и правительства под торжественные звуки гимна поочередно бросали в яму горсти плодородной кремлевской земли. Троепольский схватил Веру Палну за плечи и сильно встряхнул.

— Что?! Да говори же ты что-нибудь!

— Уро-нили... — выдавила из себя секретарша. — Горе-то какое...

— Да ничего страшного, — успокоил ее Димушка. — Уронили-то не в пучину морскую. Куда надо, туда и уронили.

Вера Пална посмотрела на Димушку и мотнула головой из стороны в сторону. Ее безумные глаза были полны слез.

— Нет... — горестно пробормотала она. — Нет... Вы ничего не понимаете. Это ж дурная примета. Хуже не бывает. Теперь покойники косяком пойдут...